
АЛИСА
ВЕРНЕР
Невеста Люцифера
ЛЮБОВЬ • ПРЕДАТЕЛЬСТВО • ВЕЧНОСТЬ
18+

Алиса Вернер

Невеста Люцифера

«Автор»
2026

Вернер А.

Невеста Люцифера / А. Вернер — «Автор», 2026

Я собиралась выйти замуж за жестокого барона, чтобы спасти жизнь младшего брата. Но прямо во время свадебной церемонии появился незнакомец с золотыми глазами и объявил, что теперь я принадлежу ему.Его имя — Люцифер.Повелитель Ада, падший ангел, которого боятся даже бессмертные. Он предлагает мне сделку: жизнь брата в обмен на моё согласие стать его невестой.Но во дворце демонов меня ждут смертельные испытания, опасные тайны и призрак женщины, удивительно похожей на меня.Почему Люцифер смотрит на меня так, словно уже однажды потерял? Что скрывают мои воспоминания? И почему древнее пророчество обещает, что именно я стану его погибелью?Я должна ненавидеть его. Должна бежать.Но с каждым прикосновением всё труднее сопротивляться чувствам к тому, кто способен уничтожить целый мир ради одного моего поцелуя.**Ведь самое страшное наказание для дьявола — не вечное проклятие. А любовь к женщине, которой суждено его убить.**

© Вернер А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Алиса Вернер
Невеста Люцифера

Глава 1

АЛИСА ВЕРНЕР
НЕВЕСТА

ЛЮЦИФЕРА
ЧАСТЬ I. КЛЯТВА ПЕПЛА

Тёмное романтическое фэнтези

2026

СОДЕРЖАНИЕ
Пролог. ПОСЛЕДНЯЯ НЕВЕСТА
Глава 1. ДЕВУШКА, КОТОРУЮ ВЫБРАЛ АД
Глава 2. ДВОРЕЦ ПРОКЛЯТЫХ
Глава 3. ПРИЗРАК ПЕРВОЙ НЕВЕСТЫ
Глава 4. СОН О БЕЛОМ ХРАМЕ
Глава 5. СЕМЬ КНЯЗЕЙ
Глава 6. АНГЕЛ С ОКРОВАВЛЕННЫМИ РУКАМИ
Глава 7. ЗАПРЕТНАЯ БИБЛИОТЕКА
Глава 8. ПОЦЕЛУЙ ПАДШЕГО АНГЕЛА
Глава 9. ТОТ, КТО ЖДЁТ ЗА ВРАТАМИ
Глава 10. ОБЕЩАНИЕ ДЛЯ ТОМАСА
Глава 11. СОВЕТНИК, КОТОРЫЙ ЛГАЛ
Глава 12. СУД СЕМЕРЫХ
Глава 13. САД, ГДЕ РАСТУТ ОБЕЩАНИЯ
Глава 14. ПИСЬМО НЕБЕСНОГО СУДА
Глава 15. ИМЯ АУРИЭЛЬ
Глава 16. ПЕРВАЯ ТРЕЩИНА
Глава 17. СДЕЛКА МАММОНА
Глава 18. НОЧЬ ПРИЗНАНИЙ
Глава 19. СЕДЬМАЯ ПЕЧАТЬ
Глава 20. ЦЕНА ПЕРВОГО СВЕТА

Пролог. Последняя невеста

В Аду никогда не шёл дождь. Но в ночь, когда умерла последняя невеста Люцифера, с чёрного неба падали алые капли.

Они стекали по мраморным ступеням дворца, оседали на лепестках чёрных роз и скапливались в выбоинах старого камня. На вершине лестницы стоял мужчина с лицом, которое когда-то заставляло ангелов забывать молитвы. У его ног лежала девушка в свадебном платье. Тёмное пятно расползалось по белой ткани, а пальцы всё ещё сжимали край его плаща.

— Повелитель, — осмелился произнести Каэль. — Нам следует унести её.

Люцифер опустился на колено. Он словно не услышал советника. Всё ещё ждал вдоха, которого уже не будет.

— Я обещал ей, — произнёс он, — что больше никто не сможет её забрать.

Он коснулся кольца на её руке. Чёрное золото вспыхнуло и превратилось в пепел. Мёртвая невеста исчезла следом, оставив на ступенях лишь тонкую серебряную нить.

И тогда из бездны, лежавшей глубже девяти кругов, поднялся голос. Не мужской и не женский; похожий на воспоминание о слове, которого никогда не существовало.

«Ты не властен над последним условием, Светоносный. Когда вернётся носительница Первого Света, она станет твоей женой. И погубит тебя».

— Она больше не вернётся, — ответил Люцифер.

«Ты сам в это не веришь».

На пустой ступени возникло кольцо с семью рубинами. На внутренней стороне читались слова: «Ты полюбишь ту, которую должен уничтожить».

Люцифер сжал кольцо так, что рука покрылась золотыми трещинами. Но оно осталось целым.

— Если она вернётся, — сказал он бездне, — я дам ей выбор. Даже если её выбор станет моей смертью.

Голос рассмеялся. А у подножия лестницы, вопреки алому дождю, распустилась белая роза — первая после Падения.

Глава 1

Девушка, которую выбрал Ад

В день, когда за мной пришёл дьявол, я собиралась замуж. Не за него. И уж точно не по любви.

— Не дыши так глубоко, Аделина, — велела тётушка Марта, затягивая корсет. — Швы разойдутся.

— Если вы затянете ещё сильнее, швы разойдутся на мне.

Она сделала вид, что не услышала. Так тётушка поступала всякий раз, когда правда мешала её планам. Платье было красивым и чужим: барон Вальтер прислал его вместе с брачным контрактом, словно упаковал будущую собственность. Ему было пятьдесят восемь, мне — двадцать три. Четыре его жены умерли или исчезли, а пятой сегодня предстояло стать мне.

Я согласилась ради брата. Томасу было двенадцать, его болезнь постепенно отнимала способность ходить, и каждый лекарь требовал всё больше денег. Барон обещал оплатить лечение. Перед отъездом я держала брата за руку, пока он спал, и просила прощения за то, что не придумала ничего лучше.

За неделю до свадьбы Томас попросил отнести его к окну. Он почти перестал вставать: даже короткая дорога от кровати до двери требовала столько усилий, что после неё он спал до вечера. За стеклом мальчишки запускали бумажного змея, и мой брат старательно делал вид, будто наблюдает только за облаками.

— Когда я выздоровею, — сказал он, — нарисую карту всего города. Скрытые проходы, крыши, каждый двор. А ты будешь находить дорогу по моим картам.

— Даже если заблудишься сам?

— Особенно тогда. Кто-нибудь ведь должен знать, где меня искать.

Он попытался улыбнуться, но у меня защипало глаза. Я взяла с полки атлас, подаренный нам отцом, и развернула страницу с изображением далёкого моря. Томас коснулся пальцем узкого пролива.

— А там ты была?

— Нет.

— Тогда однажды поедем вместе.

Мне хотелось пообещать. Вместо этого я показала ему дорогу от нашего дома до лекарской лавки — единственную, которую за последние месяцы изучила до последнего камня. Он понял, почему я молчу, и больше не спрашивал.

В ту же ночь я нашла в письменном столе брачный контракт. Барон велел доставить его на подпись утром, но я прочитала каждую строку при свете свечи. Оплата лечения предоставлялась только после венчания; в случае отказа моей семьи долг становился немедленным. А ещё там было условие, от которого у меня онемели пальцы: после свадьбы я теряла право навещать родных без разрешения супруга.

Я взяла перо, чтобы вычеркнуть эту строку, и остановилась. Барон не соглашался ни на одно изменение. Я уже пыталась договориться через тётушку, через его управляющего, лично. В ответ мне каждый раз объясняли, как счастлива должна быть бесприданница, получившая такое предложение.

На рассвете тётушка увидела меня с контрактом и вдруг села напротив. Впервые она выглядела не строгой хозяйкой, а очень усталой женщиной.

— Я знаю, что ты думаешь обо мне, Деля.

— Тогда не заставляйте произносить это вслух.

Она провела ладонью по лицу.

— Я боюсь потерять мальчика. После смерти твоих родителей мне не хватило сил даже сохранить дом. Я хватаюсь за единственную дверь, которую вижу.

— Дверь в клетку.

— Да, — неожиданно согласилась она.

Я ждала оправданий, но тётушка только заплакала. Мне не стало легче. Любовь, смешанная со страхом, всё ещё могла причинять боль. Я подписала контракт, понимая, что не прощаю его условий. И, пожалуй, именно тогда дала себе обещание: если когда-нибудь сумею открыть другую дверь, я сделаю это без разрешения барона.

— Улыбайся, — приказала тётушка. — После свадьбы жизнь изменится.

— Несомненно. Особенно её продолжительность.

За её спиной на подоконнике возникла женщина. Серое лицо, неестественно вывернутая шея, растрёпанные волосы. Я узнала третью супругу барона по портрету в гостиной.

«Не надевай кольцо», — прошептала покойница. «Он убил нас всех».

Я стиснула букет до боли в пальцах. Голоса умерших преследовали меня с детства, но до сих пор никто из них не появлялся в солнечный полдень.

— Аделина? — Тётушка встряхнула меня.

«Он не успеет», — добавила мёртвая женщина и исчезла.

В карете по дороге к церкви мне казалось, что весь город знает о моём унижении. Торговки на площади приветствовали тётушку слишком радостно, а маленькая девочка у булочной помахала мне рукой. Я поймала себя на мысли: стоит ли она теперь у окна и думает, что невесты всегда плачут? В шкатулке под сиденьем лежали деньги барона на лечение Томаса. Я могла выскочить на мостовой с этими деньгами и сбежать, но подписанный контракт давал барону право забрать их назад. Эта ловушка была придумана не магией, а законом. И почему-то именно поэтому казалась особенно обидной. Я сжала жемчужину на шее — единственное украшение, оставшееся от матери, — и пообещала себе: если переживу свадьбу, никогда не позволю кому-нибудь назвать такую сделку любовью.

Когда карета остановилась у церкви, барон встретил меня у ступеней без единой улыбки. Вблизи он был ещё массивнее, чем на портрете, и держался так, словно все присутствующие составляли часть его имущества.

— Ты опоздала на три минуты, — сказал он.

— Добрый день и вам.

Барон поднял мою руку, но не для поцелуя. Его взгляд скользнул по жемчужному ожерелью.

— После церемонии снимешь это. Моя супруга не должна носить вещи из бедного дома.

Я высвободила пальцы.

— Оно принадлежало моей матери.

— Теперь ты принадлежишь другому дому.

Слова прозвучали негромко, однако у меня похолодело внутри. На крыльце толпились гости, и никто не заметил короткой сцены. Только пожилая женщина с дорожной сумкой, проходившая мимо, остановилась. Она посмотрела на меня, потом на барона и покачала головой.

— Вы можете отказаться, девочка, — шепнула она, когда жених отошёл.

Я хотела ответить, что она ничего не знает о болезни брата. Но в её усталых глазах не было любопытства. Только тревога человека, уже видевшего подобное.

— Хотела бы, — сказала я.

— Не переставай хотеть, — ответила она. — Иногда это единственное, что у нас пока остаётся.

Я вошла в церковь с букетом, от которого на пальцах остались царапины. Когда орган заиграл первую ноту, мне показалось, что вся будущая жизнь сжимается в одну узкую дорожку к алтарю. Я повторяла про себя Томасово имя и старалась не смотреть на тяжёлое кольцо в руке барона. Если бы кто-то спросил тогда, чего я желаю больше всего, я сказала бы: «Чтобы у брата перестали болеть ноги». И лишь потом, гораздо тише: «Чтобы мне разрешили остаться собой».

В церкви было душно. Барон пах вином и лавандой. Священник читал клятвы, когда один за другим погасли факелы. Колокола замолчали посреди удара. Двери распахнулись без ветра.

На пороге стоял мужчина в чёрном пальто. Тёмные волосы, красивое лицо и глаза цвета расплавленного золота. Он шёл по проходу, а гости прижимались к скамьям, будто их раздвигала невидимая рука.

— Свадьба отменяется, — произнёс незнакомец.

Барон вскинул руку.

— Кто вы такой?

Незнакомец лишь посмотрел на него. Барон раскрыл рот и обнаружил, что не может издать ни звука.

— Аделина Рейн, — обратился мужчина ко мне. — Я пришёл за тобой.

— Вы опоздали. Очередь женихов уже занята.

Уголок его губ дрогнул.

— Ты не знаешь, с кем говоришь.

— Вы тоже. Мне не нравится, когда за меня решают.

Он показал кольцо из чёрного золота. Семь рубинов окружали камень, в котором двигалось крохотное пламя.

— Меня зовут Люцифер.

Священник уронил книгу. Несколько гостей завизжали. Я не поверила бы ни одному слову, если бы за плечами мужчины не проступила тень гигантских крыльев.

— Даже если вы сам дьявол, — сказала я, — это не повод вести себя невоспитанно.

Люцифер рассмеялся. Смех длился всего мгновение, но лицо его стало почти человеческим.

Он взял мою руку. На запястье вспыхнул знак: звезда внутри круга, пересечённого семью линиями. Под алтарём что-то заскреблось. Камень лопнул, и из трещины потянулись чёрные пальцы.

«Наследница», — прошипела тварь. «Её кровь принадлежит вратам».

Люцифер закрыл меня собой. Одно движение — и чудовище рассыпалось искрами. Я не знала, что страшнее: напавшее существо или лёгкость, с которой его уничтожили.

— Эти твари вернутся, — сказал он. — Я могу защитить тебя.

— А мой брат?

Он замолчал, словно не ожидал вопроса.

— Томас тяжело болен. Мне нужно знать, что он будет жить. Без этого я никуда не пойду.

Люцифер посмотрел на мои пальцы, окровавленные шипами букета. Затем на кольцо.

— Я исцелю мальчика и обеспечу ему защиту. Обещание будет скреплено моей силой. Взамен ты отправишься в Инфернум и узнаешь, кто ты.

— И выйду за вас?

— Только если сама захочешь.

Впервые за день мне предложили выбор. Я посмотрела на барона, который уже отползал к выходу, и положила руку на ладонь дьявола.

— Сначала вылечите брата.

Люцифер кивнул. Над его пальцами вспыхнуло крошечное золотое пламя, похожее на свет далёкого дома.

— Уже.

Глава 2

Дворец проклятых

Я думала, Ад должен пахнуть серой. Столица Инфернума пахла чёрными розами, мокрым камнем и свежим хлебом.

Мы вышли из золотого прохода на террасу дворца. Башни пронзали багровое небо, внизу шумел город, по мостам торопились люди и существа с рожками, хвостами, прозрачными крыльями. Над рекой из тёмного стекла кружили огненные птицы.

— Здесь живут обычные семьи? — спросила я.

— Разумеется. Считай, что попала в весьма необычное государство. Приговорённые души находятся в других кругах.

— А котлы со смолой?

— На кухнях. Хотя повара предпочитают масло.

Мне пришлось сдержать улыбку. Люцифер заметил это, но не стал торжествовать.

Прежде чем Морвена вышла нас встречать, на террасу поднялся маленький посыльный в форме дворцовой почты. У него были рыжие рожки и слишком большая сумка, из которой торчали свитки. При виде Люцифера мальчишка едва не споткнулся о собственные сапоги.

— Прошения северного квартала, Ваше Величество. И список недостающего зерна.

— Передай Каэлю, — рассеянно произнёс Люцифер.

Посыльный побледнел. Он явно собирался сказать что-то ещё, но не осмелился. Я заметила на верхнем свитке кляксу и неровную строчку: «Уже третий раз просим…»

— Подожди, — сказала я. — Кто написал это?

Мальчик взглянул на повелителя. Люцифер едва заметно кивнул.

— Моя мама. У нас в квартале закрыли хлебную печь. Говорят, не хватает разрешения от Совета.

— И давно?

— Двадцать восемь дней. Я считаю.

Я посмотрела вниз, туда, где город казался праздничной россыпью огней. За красивыми башнями, оказывается, жили люди, которым приходилось считать дни без хлеба. Люцифер забрал свиток и прочёл его, нахмурившись.

— Разрешение выдано три недели назад.

— До нас оно не дошло, — прошептал мальчик.

— Значит, проверим, где потерялось.

Люцифер не превратил свиток в пламя и не приказал никого казнить. Он всего лишь велел отыскать ответственного чиновника до заката. Но я заметила, как осторожно посыльный выдохнул. Для него и это было чудом.

Когда мальчик убежал, я спросила:

— Вы всегда узнаёте о бедах подданных случайно?

— В большинстве дней мне приносят отчёты о войсках, границах и нарушениях магических договоров.

— А список голодных детей считают слишком мелким для вашего стола?

Люцифер посмотрел на свиток в руке.

— Похоже, кто-то именно так и считает.

Я ожидала резкого ответа, но он промолчал. Эта пауза запомнилась мне сильнее, чем чудеса за окнами. В ней не было обещания исправить весь Ад. Зато впервые за день я услышала, как правитель сомневается в собственном порядке.

У входа нас встретила Морвена, высокая управляющая с серебряными волосами. При виде меня она побледнела так резко, будто увидела покойницу.

— Это она? — спросила женщина.

— Её зовут Аделина, — ответил Люцифер. — И она слышит каждое слово.

Мне отвели комнату с огромным зеркалом и балконом над садом белых роз. Белых — в Аду. Я решила не спрашивать, почему их здесь берегут больше сокровищ.

В дворцовой галерее я задержалась перед картиной, где изображалась огромная битва на фоне неба, разделённого пополам. По одну сторону стояли ангелы, по другую — демоны. Но в самом центре художник нарисовал двух людей, которые не сражались: они пытались вытащить из-под обломков маленького ребёнка. Я спросила Морвену, кто они. Она ответила, что картину приказал сохранить сам Люцифер после Падения, хотя другие властители не желали видеть на парадной стене жалкую сцену спасения. «Его Величество сказал, что войну помнят по победителям, а жизнь — по тем, кого не оставили», — произнесла Морвена. Я смотрела на картину дольше, чем следовало. Владыка Ада становился всё менее понятным, и это было опаснее, чем если бы он полностью соответствовал легендам.

Морвена принесла горячий чай и, прежде чем уйти, предупредила:

— Не открывайте дверь после третьего ночного удара колокола. Никому. Даже мне.

— Хорошие правила гостеприимства.

— Это не шутка, госпожа.

Едва она вышла, на отражении зеркала появились следы чужих пальцев. За моей спиной стояла невеста в белом. Светлые волосы прилипли к кровавому пятну на груди. Я обернулась: в комнате никого.

«Меня звали Элиана», — донёсся шёпот. «Он не убивал меня».

— Кто тогда?

«Та, кому ты поверила».

Зеркало почернело. По нему проступили слова: «ЭТО СДЕЛАЛА ЕГО НЕВЕСТА».

Я вскочила, опрокинув чашку. В комнату вошёл Люцифер. Его взгляд сразу упал на буквы; они исчезли, будто испугались его.

— Здесь кто-то был?

— Вы, — сказала я. — Теперь точно.

— А до меня?

Я вспомнила, как мёртвая девушка приложила палец к губам, и соврала:

— Никого.

Он подошёл к зеркалу и положил ладонь на стекло. В глубине поверхности раздался тонкий звон. Люцифер нахмурился.

— Здесь оставили след силы, которой не должно быть во дворце.

— В таком случае вам следует лучше выбирать гостей.

— В таком случае тебе следует не скрывать от меня опасность.

Мы встретились взглядами. Я подумала о Томасе и заставила себя спросить:

— Вы действительно его вылечили?

Люцифер протянул руку. Над его ладонью открылось маленькое окно света. В нём мой брат бежал по саду, неловко, с восторженным смехом. Тётушка плакала у дверей.

У меня ослабли колени.

— Он… он ходит.

Я прислонилась к стене, потому что ноги перестали держать меня. Люцифер не приблизился сразу. Остался у окна света, позволяя мне смотреть столько, сколько нужно. На маленьком изображении Томас споткнулся, упал в траву и тут же вскочил, возмущённый не болью, а тем, что испачкал колено.

— Он падает, — выдохнула я.

— И поднимается сам.

Это было почти непереносимо прекрасно. Сколько месяцев я помогала ему пересесть с кровати на стул, считая каждый шаг победой и поражением одновременно. Теперь мой брат сердился на грязь, как любой двенадцатилетний мальчишка.

— У болезни не осталось следа? — спросила я.

Люцифер посмотрел на меня без привычной усмешки.

— В его теле — нет. Но он будет помнить страх, который пережил. И твоя семья тоже. Я могу исцелить плоть, Аделина, не могу приказать прошлому исчезнуть.

Я повернула к нему голову. Вдруг стало стыдно за то, что ещё утром думала о нём исключительно как о чудовище. Он совершил то, на что не хватило ни одного человеческого лекаря. И всё же я не желала отдавать за чудо остаток собственной свободы.

— Спасибо, — произнесла я наконец.

Люцифер едва заметно склонил голову.

— Ты выполнила свою часть сделки. Поблагодарить было необязательно.

Я почувствовала, что именно этот ответ делает благодарность настоящей. Она переставала быть распиской в долге. Мне ещё предстояло понять, кто этот человек и почему он охотится за моим прошлым. Но впервые в нём появилось место не только для страха.

— Я не хочу, чтобы ты чувствовала себя обязанной за это чудо, — тихо сказал Люцифер.

Когда свет погас, я вытерла мокрые щёки. Я всё ещё боялась человека, который привёл меня в Ад, и не знала, как совместить этот страх с облегчением.

Он уже шёл к двери, когда остановился.

— Аделина. Здесь никто не имеет права прикасаться к тебе без твоего согласия. Даже я. Но ночью не выходи в коридор.

— Почему?

— Иногда старые клятвы просыпаются раньше своих хозяев.

В тот вечер я узнала две вещи. Люцифер умел держать обещания. И в его дворце кто-то очень хотел, чтобы я узнала, чем закончилась история прежней невесты.

Глава 3

Призрак первой невесты

До появления чудовища я пыталась написать Томасу письмо. Никакие слова не казались подходящими. «Я в безопасности» звучало ложью, «я в чудесном дворце» — хвастовством, а «за мной пришёл дьявол» наверняка заставило бы тётушку вызвать лекаря. В конце концов я написала: «Я видела, как ты бежишь. Это самый счастливый миг в моей жизни. Не забывай, как пахнут яблони осенью». Бумага лежала незапечатанной на столе, когда тень ворвалась в комнату. Позже Люцифер заметил её среди обломков, поднял и молча положил в карман. На

следующее утро письмо исчезло. Только через несколько дней я узнала, что оно уже лежало у Томаса под подушкой. Оказалось, можно заботиться о человеке, не требуя за это благодарности.

Пока сохли чернила, я исследовала комнату. За ширмой стоял высокий умывальник из зелёного камня, в шкафу висели платья, которых я не просила, а под подушкой лежала крошечная подушечка с вышитой звездой. Я перевернула её: на изнанке сохранились неровные детские стежки. Неужели во дворце были дети? От этой мысли мне почему-то стало легче.

За окном двигались огни ночного города. Далеко внизу захлопнулись ворота, и несколько поздних прохожих поспешили к мосту. Я решила выяснить, что означает третий удар колокола. Открыла дверь и выглянула в коридор до того, как наступила ночь. На дальнем посту стояли два стража, один совсем молодой, с поцарапанным шлемом.

— Почему здесь ставят караул, если повелитель может уничтожить любого врага? — спросила я.

Молодой страж растерялся. Старший ответил:

— Потому что нельзя успеть одновременно ко всем дверям.

— А что приходит после колокола?

— Иногда воспоминания, госпожа. Иногда те, кто умеет носить их голоса.

Он хотел добавить ещё что-то, но с лестницы показалась Морвена. Она нахмурилась так строго, что стражи немедленно вытянулись.

— Вам следует вернуться в покои, — сказала она.

Я не стала спорить. Однако, проходя мимо, услышала, как старший шепнул молодому:

— Если она зовёт, беги к Светоносному. Не пытайся геройствовать один.

За дверью я снова посмотрела на письмо Томасу. В человеческом мире мы ставили засов от воров. Здесь двери защищали от существ, способных говорить голосами любимых людей. Я не знала, какой страх хуже. Только убедилась, что и у стражей Ада бывают дрожащие руки.

Третий удар колокола прозвучал, когда я собиралась лечь. Огонь в камине стал синим, затем погас. Из коридора послышались шаги.

— Госпожа Аделина, откройте, — позвала Морвена. — Повелитель передал вам лекарство от тревоги.

Я уже положила ладонь на ручку, но вспомнила предупреждение.

— Оставьте за дверью.

Пауза. Затем голос Морвены стал низким и хриплым.

— В прошлый раз ты тоже не открыла.

Я отступила. В дерево с другой стороны впились когти. Между досками проступили чёрные жилы.

«Назови его имя», — шепнула Элиана из угла.

— Люцифер!

Ручка раскалилась. Я крикнула ещё раз, когда дверь разлетелась на осколки. За нею стояло существо, собранное из теней, костей и чужих голосов. В его груди виднелась пустота в форме человеческого сердца.

— Твоя кровь, — прохрипело оно. — Нам нужна твоя кровь.

Передо мной вспыхнуло золото. Люцифер возник из пламени, расправив крылья так широко, что стены содрогнулись.

— Она под моей защитой.

Из груди твари донёсся голос матери. Я узнала мягкие интонации, которыми она звала меня к вечернему чаю, и сердце болезненно сжалось. В памяти вспыхнул её последний вечер: она держала мою руку и пыталась улыбнуться. Я не успела сказать ей столько вещей. Не успела спросить, боялась ли она смерти. Не успела попросить остаться.

— Деля, — прошептала тень. — Ты же знаешь, я никогда не обижу тебя.

Я сделала шаг, не сознавая, что двигаюсь. Люцифер остановил меня одним движением руки, не поворачивая головы.

— Это не она.

— А если вдруг?.. — начала я.

— Настоящая память не заставляет тебя платить за ответ своей жизнью.

Существо заскребло когтями по камню. От знакомого голоса не осталось ничего человеческого.

— Она хотела бы, чтобы ты открыла дверь, — пропело оно снова.

Я сжала кулаки. Моя мать никогда не требовала от меня невозможного ради доказательства любви. Я должна была помнить это сама, без приказа Люцифера.

— Ты не мама, — сказала я.

Тень вздрогнула, словно мой отказ причинил ей боль. За спиной Люцифера раскрылось ещё одно крыло, закрывая меня от когтей. Я поняла, что нападавший знает наши слабости слишком хорошо. Но слабость — не то же самое, что согласие.

— Ты защищал её прежде, — издевательски прошептала тварь. — И всё равно потерял.

Взгляд Люцифера изменился. Он не стал отвечать. Пламя сжалось в тонкую линию и рассекло тень. Тварь распалась на серый пепел; из пепла выкатилась крохотная костяная пластина с незнакомым знаком.

Люцифер спрятал пластину в ладони. Только потом повернулся ко мне.

— Ты не ранена?

— Кажется, нет.

Он осторожно коснулся моего запястья. Знак звезды горел сильнее, чем в церкви. Я заметила, как он вздрогнул.

— Этой ночью ты останешься в моих покоях.

— Я могла бы выбрать другую комнату.

— Не любую комнату найдёт нападавший. Моё крыло дворца защищено старым именем.

— Каким?

Люцифер сжал губы.

— Имя ещё не время произносить.

Он поднял меня на руки прежде, чем я успела возразить. Меня охватило возмущение, но за ним пришло другое чувство — тёплая, неожиданная уверенность, что пока он рядом, чёрные руки до меня не доберутся.

В его спальне окна выходили к реке. На полках стояли книги, а у камина лежала раскрытая шахматная доска. Владыка Ада спал среди недоигранных партий и бумаг, исписанных аккуратным почерком.

— Вы уступите мне кровать? — удивилась я, когда он устроил одеяло на диване.

— Ты гостья.

— Пленница.

— Гостья с неудобным характером.

Он погасил свет. В темноте его голос прозвучал совсем близко:

— Аделина, если ещё раз увидишь женщину у зеркала, не слушай обещаний. Она помнит не всё.

Я села на постели.

— Значит, вы знали?

Но он уже отвернулся, и мне пришлось уснуть с вопросом, который стал тяжелее страха: кто такая Элиана, если даже Люцифер боится её памяти?

Глава 4

Сон о Белом храме

Мне снился храм из света. Колонны в нём уходили прямо в звёзды, но под ногами лежали обломки крыльев. Я стояла перед Люцифером с мечом, который был слишком тяжёлым для моих рук.

— Ауриэль, — говорил он. — Не делай этого.

И я вонзила клинок ему в грудь.

Проснулась от собственного крика. Люцифер сидел у кровати и держал мою руку. На его лице была неприкрытая боль.

— Кто такая Ауриэль? — спросила я.

Он отпустил мои пальцы.

— Где ты услышала это имя?

— Во сне. Вы назвали им меня.

Он долго смотрел на огонь, словно искал ответ среди углей.

— Когда-то существовала хранительница Первого Света. Все считали, что она умерла тысячу лет назад.

— А вы?

— Я слишком долго пытался в это поверить.

Он поднялся, намереваясь уйти, но я поймала край его рукава.

— Вы и сейчас не сказали всей правды.

— Потому что не знаю, какая её часть принадлежит тебе, а какая — женщине, с которой тебя сравнивают.

— Мне тоже неприятно, когда вы всё решаете за меня.

Люцифер сел обратно. В полутьме его лицо стало почти молодым. Мне трудно было представить, что мужчина, который так уверенно отдавал приказы целому миру, может не знать, как отвечать на простой вопрос.

— Скажи хотя бы одно воспоминание об Ауриэль, которое не связано с войной, — попросила я.

Он долго думал.

— Она однажды украла у небесных садовников горсть семян, потому что услышала, как младший служитель жалуется: на его улице не растёт ни одного дерева. За это её лишили права входить в архив на целый месяц. Она заявила, что наказание нелепое, потому что семена нужны не деревьям, а тем, кто будет сидеть под ними.

Я невольно улыбнулась.

— А вы?

— Помог ей посадить их ночью.

— Значит, тоже нарушали правила.

— Регулярно. Но она всегда первой замечала, кто за правилами остался невидимым.

Он замолчал. Я подумала о сестре, которой у меня никогда не было, о матери и о девочке, ставшей древним символом. За словом «хранительница» вдруг обозначилась живая женщина со смешной привычкой воровать семена.

— Аделина, — произнёс Люцифер, будто спохватившись, — ты не обязана любить то, что любила она.

Я отпустила его рукав.

— Мне нравятся яблони. Но я предпочитаю сама решать, какие сажать.

Он слегка улыбнулся. В эту ночь мы не приблизились к разгадке пророчества. Зато впервые поговорили без угроз, магии и попыток убедить друг друга.

Я потянулась к нему. Он вздрогнул от простого прикосновения к рукаву, и я впервые поняла, что бессмертие не защищает от старых ран.

Утром служанка Лира принесла платье и рассказала о семи князьях: Маммоне, Асмодее, Баале, Велиале, Бельфегоре, Левиафане и Каэле. Каждый управлял собственной областью Ада.

Каждый обязан был признать избранницу Люцифера. И каждый мог попытаться доказать, что она опасна для мира.

— Особенно опасен Велиал, — шепнула Лира. — Его правда редко бывает правдой целиком.

— А Каэль?

— Он был рядом с повелителем до Падения. Но никогда не рассказывает, какую цену заплатил за верность.

Перед балом я долго смотрела на собственные руки. В мире людей они пахли мылом и лекарственными травами: я помогала ухаживать за братом, носила воду, стирала бельё. Теперь мне на пальцы надевали кольца и уверяли, что от их жестов зависит судьба дворца. Мне было неловко от такого быстрого превращения. Я попросила Лиру показать кухню и провела там час, перебирая ягоды для пирога. Повар сперва решил, что я пришла проверять его работу, а потом робко рассказал о дочери, которой не хватало денег на обучение. Так выяснилось, что у дворца есть тысяча проблем, не имеющих ничего общего с пророчествами. Их решения не требовали древней магии, только внимания. Эта мысль помогла мне собраться перед встречей с князьями.

Днём Лира показала мне маленькую комнату за кухней, где дети слуг собирались после занятий. На стенах висели рисунки Инфернума: у кого-то дворец был красным, у кого-то зелёным, а один мальчик изобразил его с колёсами вместо башен. Я спросила, почему так.

— Чтобы владыка мог приезжать туда, где нужна помощь, — ответил ребёнок. — Он ведь всё время занят.

Повар смутился, решив, будто я посмеюсь над ним за дерзость сына. Я присела перед рисунком.

— Тогда ему понадобится очень много колёс. Инфернум огромный.

— Я нарисую ещё, — серьёзно сказал мальчик.

Я попросила лист и нарисовала дом с яблоней. Дети немедленно заинтересовались: почему у дерева красные плоды, едят ли их демоны и может ли человек упасть с такой высокой ветки. Я рассказала о Томасе, который мечтал исследовать весь город. Один из малышей предложил передать ему карту с потайными проходами дворца.

— Если он когда-нибудь приедет, пусть сразу знает, где прятаться во время скучных речей, — пояснил он.

Лира рассмеялась. Мне впервые стало легко не потому, что Люцифер находился рядом, а потому что нашлось место, где моё происхождение ничего не значило. Я не была ни хранительницей, ни будущей невестой, ни предметом спора князей. Просто взрослой девушкой, умеющей рисовать не слишком красивые деревья. Перед балом я спрятала детский рисунок в рукав. Он напоминал: даже если все придворные будут называть меня Ауриэль, я могу выбирать, какую память хранить у сердца.

Лира вывела меня в сад. Между чёрными деревьями росли белые розы. Их лепестки светились в тени, а шипы были серебряными.

На скамье сидела женщина с маленьким ребёнком. У ребёнка были рожки, один из которых был сломан; мать перевязывала его лентой. Обе испуганно вскочили при виде меня.

— Я не собираюсь никого наказывать, — поспешила сказать я.

Лира объяснила, что семья пришла просить у дворца помощи после пожара. Совет князей отказал: квартал находился за пределами их налоговых обязательств.

Я вспомнила Томаса. И вдруг власть перестала казаться красивым словом.

— Передайте Люциферу, что я хочу с ним поговорить, — сказала я. — Не об одежде и не о бале. О тех, кто живёт за стенами его дворца.

Когда он явился, я показала ему обгоревшие ладони женщины. Люцифер выслушал её молча. Затем позвал Каэля и приказал открыть дворцовые хранилища для погорельцев.

— Неужели вы не знали? — спросила я, когда люди ушли.

— Я управляю девятью кругами. Не всё доходит до моего стола.

— Тогда вам нужны другие столы. И другие советники.

Он смотрел на меня с удивлением, но без раздражения.

— Ты говоришь так, словно уже готова править.

— Нет. Я говорю так, словно была голодной и знаю, как унизительно просить.

Люцифер долго молчал. Потом сорвал белую розу и осторожно обломил серебряные шипы.

— Сегодня бал, — сказал он, протягивая цветок. — Совет решит, останешься ли ты во дворце.

— А если они решат иначе?

— Тогда мне придётся напомнить им, кто построил этот дворец.

Мне не понравилась мягкость, с которой он произнёс угрозу. Но розу я взяла.

Глава 5

Семь князей

Бальный зал был наполнен светом парящих свечей. За окнами пульсировал красный город. Люцифер стоял рядом в чёрном камзоле, и, когда мы вошли, сотни существ преклонили колени.

— Ты прекрасна, — неожиданно сказал он.

— Вы репетировали эту фразу?

— Три столетия.

Я рассмеялась и тут же испугалась собственного смеха. Он был слишком простым для места, где меня могли приговорить к смерти.

В танце Люцифер держал меня так осторожно, словно опасался, что я разлетюсь на части. Я не знала шагов придворного вальса и дважды наступила ему на ноги. Он не пожаловался, но на третий раз шепнул: «Если собираешься убить меня, пророчество советовало меч». Я рассмеялась слишком громко, и несколько дам возмущённо повернулись. На мгновение я забыла о князьях, испытании и чужих взглядах. Затем заметила в дальнем конце зала ребёнка с маленькими рожками: он неуклюже повторял движения взрослых, а мать подбадривала его улыбкой. Этот простой эпизод успокоил меня. Даже в Аду люди приходили на праздник, чтобы танцевать с теми, кого любят. Я подумала, что не позволю князьям считать их всех пешками в своей игре.

После танца он отвёл меня к столу с напитками и ненадолго оставил, чтобы поговорить с Баалом. Я успела заметить, как меняется придворный зал без взгляда повелителя: смех делался громче, а вопросы — острее. Асмодей возник рядом с бокалом тёмного вина.

— Вы разрушаете прекрасную традицию, леди Аделина. Невесты обычно боятся дышать рядом с нашим господином.

— Тогда им очень неудобно танцевать.

— Удобство не входит в число достоинств при дворе.

Он положил бокал на стол и заговорил неожиданно серьёзно:

— Вы должны понять кое-что. Здесь каждый носит маску. Даже я. Когда человек показывает желание, я вижу в нём не слабость, а правду. А правда редко совпадает с тем, что он говорит вслух.

— И чего хочу я?

— Вернуться домой и остаться здесь одновременно.

Меня задело, насколько точно он попал. Я отвернулась к окну. Асмодей не стал смеяться.

— Ничего дурного в этом нет, — сказал он. — У людей часто помещается несколько противоречащих желаний. Беда начинается, когда кто-то утверждает, будто знает единственное правильное за вас.

Я посмотрела на него с новым вниманием.

— Вы предупреждаете о себе?

— Разумеется. О ком же ещё?

Возле колонны стояла девушка в сером, почти незаметная среди придворных нарядов. Она нервно перебирала край рукава и смотрела на Велиала. Я подошла, спросила, не нужна ли помощь. Девушка вздрогнула.

— Не стоит, госпожа. Я пришла с прошением об отце. Его имя исчезло из городского списка. Мне говорят, что у меня никогда не было отца.

— А вы помните?

— Иногда. Лицо уже забываю. Но помню, как он учил меня не бояться высоты.

Она показала маленькое перо, спрятанное в ладони.

В тот миг музыка показалась мне слишком громкой. Я обещала найти способ передать её прошение, но девушка покачала головой:

— Не обещайте того, чего не можете. Просто не забывайте, что я приходила.

Её слова остались со мной, когда Велиал объявил испытание. Я смотрела на золотой круг под ногами и думала не о собственном титуле. Если власть лишает людей права быть услышанными, какая разница, чьё имя стоит на троне?

Первым заговорил Маммон, князь богатств. Он осмотрел моё платье и перечислил всё, чего у меня не было: титула, земель, родословной.

— Вы забыли прекрасный слух, — заметила я. — И привычку отвечать, когда меня оскорбляют.

Асмодей расхохотался. Каэль спрятал улыбку. Велиал, красавец с пустыми глазами, лишь погладил серебряное кольцо на пальце.

— Испытание будет простым, — произнёс он. — Мы покажем девушке её истинную природу.

Люцифер возразил, но над залом уже загорелся древний круг. Пол исчез из-под ног. Я очутилась в белом коридоре перед запертой дверью.

За дверью плакала мама.

— Аделина, открой. Мне так холодно.

Я хотела броситься к ней, но вспомнила мёртвую жену барона, её пустые глаза и умоляющий голос. Мама никогда не звала меня полным именем; для неё я была Делей.

— Ты не моя мать.

За дверью стало очень тихо. Я вспомнила собственное детство: мать никогда не повышала голоса, когда я разбивала чашки, но могла часами объяснять, почему нельзя оставлять младшего брата одного у реки. В её заботе всегда было место моим ответам. Голос за дверью требовал только повиновения.

— Если ты действительно моя мать, — сказала я, — расскажи, как мы называли старую яблоню.

Тишина дрогнула.

— Конечно, помню, дитя, — ответил голос. — Она была твоей любимой.

— Неправда. Мы называли её «Упрямица», потому что она цвела позже всех, а яблоки приносила самые сладкие.

С той стороны раздался короткий, чужой смешок.

— Какое мелкое воспоминание, чтобы тратить на него свою жизнь.

— Именно поэтому оно моё.

Я отступила от двери. Сердце колотилось, но вместе со страхом пришла злость. Если даже древняя магия считала человеческие мелочи недостойными внимания, значит, она не понимала людей, которых хотела судить. Я вспомнила, как Томас однажды подарил мне самый

кислый плод с нашей яблони и уверял, будто это драгоценность. Тогда я смеялась. Теперь память о том дне удерживала меня от ловушки, в которую могла попасть ради призрака матери.

Плач оборвался. На двери проступили письмена: «НАЗОВИ СВОЁ ИСТИННОЕ ИМЯ».

— Аделина Рейн.

«Имя тела. Не души».

Передо мной вспыхнула память. Белый храм, золотые цепи, меч в моей руке, Люцифер на коленях. Я услышала, как он произносит: «Ауриэль, живи. Даже без меня».

Боль обожгла грудь. Я упала на колени в бальном зале. Символ звезды осветил мрамор. Все семь князей застыли.

Левиафан первым преклонил колено.

— Носительница Первого Света, — прошептал он.

Маммон отшатнулся. Баал склонил голову. Лишь Велиал продолжал стоять, и на его лице мелькнуло почти торжество.

Люцифер подошёл ко мне, но прежде чем успел протянуть руку, свечи погасли. В зале раздался серебряный смех.

Женщина с шестью сияющими крыльями возникла перед тронами. Её белые волосы двигались в неподвижном воздухе.

— Здравствуй, Светоносный, — сказала она Люциферу. — Как приятно снова видеть твою жену.

Он побледнел.

— Серафина.

Она посмотрела на меня.

— Особенно после того, как тысячу лет назад я вырвала ей сердце собственными руками.

Князья молчали. Меня поразило не жестокое признание, а то, что ни один из них не удивился.

Глава 6

Ангел с окровавленными руками

Я всегда думала, что ангелы выглядят безопаснее демонов. Серафина разрушила эту иллюзию одним взглядом.

Серафина не была похожа на чудовище из церковных проповедей. На её запястье висела тонкая цепочка с маленькой деревянной бусиной. Бусина выглядела нелепо рядом с серебряными доспехами и шестью крыльями — словно случайно уцелевшая вещь из другой жизни. Я заметила, как ангел прикрыла её пальцами, когда встретилась глазами с Люцифером.

— Мне говорили, что ангелы не способны лгать, — произнесла я, нарушая молчание.

— Я и не лгу, — ответила она. — Ты умерла от моей руки. И он позволил этому случиться.

— Почему вы не объясните, как именно?

Серафина приподняла подбородок.

— Потому что объяснение не смягчает поступка.

Впервые мне не удалось отыскать в её словах обычную надменность. Там была какая-то упрямая, тяжёлая вина. Она не хотела, чтобы я заметила её.

— Тогда чего вы добиваетесь?

— Чтобы он не повторил ту же ошибку. И чтобы ты не приняла память за собственное желание.

Я отступила от Люцифера на полшага. Почувствовала на себе его взгляд и возненавидела, что даже такое маленькое движение доставляет кому-то боль. Я не должна была становиться судьёй чужого тысячелетнего несчастья.

— Вы оба разговариваете так, словно я уже обязана вынести приговор, — сказала я. — А я почти ничего не знаю.

Серафина хотела ответить, но заметила знак на моём запястье. Её лицо стало белее крыльев.

— Звезда проснулась полностью, — прошептала она.

— И что это означает?

— Что время на объяснения заканчивается.

Люцифер шагнул между нами. Они обменялись взглядом, в котором поместилась целая нерассказанная история. Тогда я впервые подумала, что ненависть не всегда противоположность любви. Иногда это память о том, как не сумели спасти одного и того же человека.

— Почему вы говорите о моём сердце? — спросила я.

Она приблизилась. Люцифер заслонил меня крылом, и воздух между ними затрещал от несоприкасающихся сил.

— Потому что оно хранило имя существа за Пределом, — ответила Серафина. — И твой драгоценный муж предал тебя, чтобы спасти себя.

В её ладони возник шар памяти. Я увидела зал Небесного суда. Себя в цепях. Люцифера, передающего ангелам меч. Услышала собственный голос: «Ты обещал не оставлять меня».

— Хватит, — произнёс он.

Шар разлетелся на осколки. Серафину отбросило к колонне; на её губах выступила кровь. Но она улыбалась.

— Скажи ей сам, Светоносный. Почему ты отдал свою невесту суду?

— Потому что иначе её убили бы на месте, — глухо ответил Люцифер.

Я не сразу поверила ей. От великолепных крыльев исходил ровный белый свет, но глаза Серафины оставались измученными, словно она не спала тысячу лет. Рядом с ней стоял Люцифер, чья сила пугала меня до дрожи, и я не знала, кому доверять.

— Вы говорите, что он предал меня, — произнесла я. — Но вы тоже были там. Почему не остановили суд?

Серафина не ответила сразу.

— Мне было приказано исполнить приговор.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет.

Люцифер резко отвернулся, будто не желал слушать больше ни слова. Я неожиданно поняла, что оба ждут от меня удобного выбора: поверить одному и возненавидеть другого. Только никто не предложил выслушать свидетельства.

— Я не стану решать, пока не узнаю, что произошло, — сказала я.

— Иногда знание разрушает сердце, — ответила Серафина.

— Моё уже пытались разрушить за меня. Хватит.

Ангел открыла рот, закрыла его и впервые утратила безупречно прямую осанку. Мне не стало легче. Но я заметила, что в этот миг Люцифер тоже перестал прятаться за меня. Он позволил мне стоять между ними и говорить собственным голосом, хотя каждое моё слово могло обернуться против него.

Серафина больше не улыбалась. Она будто не ожидала признания. Затем поднялась, расправила крылья и растворилась в серебряном свете.

После встречи с Серафиной я вернулась к себе и долго умывалась холодной водой. На коже не осталось следов серебряных видений, но ощущение цепей на запястьях не исчезало. Я вспомнила, как в детстве однажды обвинила Томаса в разбитой вазе, потому что боялась наказания. Он тогда молча согласился взять вину на себя, и мне понадобилась неделя, чтобы признаться матери. Даже маленькая ложь может стать тяжёлой, если другие начинают жить внутри неё. Какая же ложь тысячу лет держала Люцифера и Серафину? И как отличить память

от оправдания? Я решила: ни одному из них не буду верить без вопросов, но и никого не стану обвинять до ответа.

Позднее я нашла Люцифера у открытого окна. Ночной город шумел внизу, как далёкое море.

— Вы отдали меня суду? — спросила я.

— Да.

— И надеялись спасти?

Он кивнул.

— Получилось?

— Нет.

Ни оправдания, ни попытки смягчить ответ. Я прислонилась к прохладному камню. Мне почему-то хотелось, чтобы он солгал красиво. Правда была невыносимо простой.

— Почему вы не рассказали раньше?

— Я не вправе требовать доверия, которое однажды разрушил.

Он открыл ладонь. На коже лежала серебряная нить, та самая, что осталась от Элианы тысячу лет назад. Он смотрел на неё так, словно нить весила целый мир.

— Я любил тебя, — сказал Люцифер, — и решил за тебя, что жизнь важнее свободы. Это был мой первый грех перед тобой.

— А остальные?

— Их слишком много для одного вечера.

Он ушёл, оставив меня с этим ответом. В спальне у зеркала ждала Элиана. Теперь её лицо походило на моё, а платье было чистым.

«Я не первая невеста Люцифера», — прошептала она. «Я — обломок твоей памяти. Та часть, которую он удержал, когда остальное забрала смерть».

— Значит, ты — я?

«Не совсем. Память не равна душе. И я ошибалась уже однажды».

Она указала на зеркало. В стекле возникла библиотека с книгами под цепями.

«Найди Книгу Первого Падения. В ней записано, кто заключил договор с тем, кто ждёт за вратами».

— Кто он?

«Тот, кого боится не дьявол. Тот, кого боится само существование».

Элиана исчезла, но на зеркале осталась схема дворца. Среди множества залов один был отмечен серебряной звездой. Я знала, что Люцифер запретит туда ходить. Значит, придётся идти без его разрешения.

Глава 7

Запретная библиотека

Утром Лира принесла завтрак и вид совершенно невинного человека, который точно что-то скрывает. Когда я спросила о библиотеке, она уронила ложку.

— Вас туда не пустят, госпожа.

— Я не спрашивала, пустят ли. Я спросила, где она.

Лира покосилась на дверь, достала из кармана бумажную звёздочку и положила её на стол.

— Я ничего вам не давала. А если кто-нибудь спросит, вы потерялись, пока искали читальню.

Звёздочка оказалась ключом. Она развернулась в воздухе, указывая дорогу через зимний сад, мимо зала с пустыми доспехами и вниз по лестнице, которой не было на обычных планах. На последней ступени меня ждал Каэль.

— Я должен остановить вас, — сказал он.

— И остановите?

Каэль оглядел звёздочку.

— Лира всегда выбирает сторону, которая кажется ей живее. Если вы погибнете, она мне этого не простит. Поэтому я пойду с вами.

Библиотека стояла за семью медными дверями. Под стеклянным потолком плавали страницы; книги шептались между собой на языках, которых не существовало в человеческом мире. Посреди зала возвышалась колонна с цепями.

Каэль остановил меня у дальней стены. Там висела карта Небес, Ада и человеческого мира, разделённых широкими серебряными полосами. Некоторые территории были стёрты: вместо названий оставались гладкие пустые пятна.

— Так было всегда? — спросила я.

— Нет. Когда-то на этой карте было больше дорог.

— Кто их убрал?

— Те, кто решил, что мир станет безопаснее, если запретить переходы. Сначала они заперли опасные области. Потом — неудобные. А после перестали различать одно и другое.

Он коснулся пальцем белого пятна на краю Предела. Карта тихо застонала, будто помнила отсутствующее место.

— Здесь была сторожевая башня. Моя сестра служила в ней писцом. Во время Падения она исчезла вместе со всеми, кто находился внутри. Суд признал, что башни никогда не существовало. Не так трудно заставить целый мир усомниться в собственном прошлом, если у тебя есть право переписывать книги.

Каэль немедленно отвернулся. Я не стала задавать вопросов. Но запомнила, как крепко он сжал край карты, прежде чем отпустить.

У кафедры сидел старый переписчик без глаз. Вместо них мерцали две маленькие голубые точки.

— Я слышу, как вы думаете о книге, — сказал он.

— Тогда вы знаете, зачем я пришла.

— Я знаю, зачем обычно приходят. За доказательством, что жизнь уже придумана и виновные давно назначены. Сложнее всего уходит тот, кто не находит готового ответа.

Он протянул мне чистый лист.

— Прежде чем открыть главную книгу, напишите вопрос, который готовы оставить без ответа.

Я долго держала перо. Наконец вывела: «Будет ли Томас счастлив, если я не вернусь?»

Переписчик прочёл написанное кончиками пальцев.

— Это хороший вопрос, — сказал он. — Ответа у меня нет.

Я спрятала лист под одежду. Признаться в собственном страхе оказалось труднее, чем пройти через семь медных дверей. Но когда мы подошли к пюпитру, я уже понимала: не всякая тайна требует жертвы, чтобы быть раскрытой.

Больше всего в библиотеке меня поразила не магия, а тишина между шёпотом книг. Каждый стеллаж был заполнен историями, которые кто-то пытался сохранить. На корешках встречались незнакомые названия: «Песни городов до появления звёзд», «Рецепты хлеба северных кругов», «Дневник девочки, которая считала кометы». Я вытащила последнюю книгу. На первой странице девочка жаловалась, что никто не верит в её мечту научиться летать. На последней была нарисована маленькая бумажная птица. Под рисунком стояло: «Я так и не научилась, но научила этому брата». Мне захотелось плакать от простой мысли, сколько жизней проходит незамеченными рядом с летописями войн. Я вернула книгу на место и пообещала себе, что, если выберусь, спрошу Лиру, где хранят истории обычных жителей.

— Книга Первого Падения не выдаётся по просьбе, — предупредил Каэль. — Она задаёт один вопрос. За неправильный ответ забирает воспоминание.

Каэль показал мне полку, на которой хранились свидетельства безымянных граждан. В одном томе было записано всего три слова: «Я любила дождь». На соседнем корешке стояла только дата и изображение маленькой чашки. Я спросила, почему им не присвоены имена владельцев.

— Их украли, — ответил он. — Мы сохранили остатки воспоминаний, но не имеем права придумывать, кому они принадлежали.

— Разве нельзя вернуть имена по вещи?

— Иногда можно. Иногда попытка делает хуже: чужая история занимает место настоящей.

Я долго разглядывала чашку на корешке. Она была обычной, с отколотой ручкой. Мне вспомнилась любимая чашка матери, которую Томас разбил в шесть лет. Мы склеили её, и мама продолжала пить из неё по праздникам. Теперь я поняла, почему в книгах стояли такие скромные рисунки. Когда имя исчезает, мир иногда держится за смешную мелочь, которая не даёт человеку раствориться окончательно.

— Вы знали об этом, когда служили у печати? — спросила я Каэля.

— Нет. Тогда я считал, что достаточно сохранить закон. И только потом заметил, сколько людей не помещается в его строки.

Он коснулся одной из безымянных книг, но не открыл. Я подумала о его сестре и поняла, почему молчание библиотекаря способно ранить не меньше неудачной клятвы.

На пюпитре лежал том без названия. Я коснулась обложки. Над ней проявились буквы: «ЧТО ТЫ ГОТОВА ОТДАТЬ РАДИ ПРАВДЫ?»

Я вспомнила мать, брата и спокойную радость обычного утра. Всё это было дорого, и мне не хотелось отдавать ни крупицы.

— Ни одного воспоминания, — сказала я. — Правда, купленная ценой себя, становится чужой. Я лучше проживу с вопросом.

Книга раскрылась. Каэль впервые улыбнулся без грусти.

— Вы дали ответ, которого она ждала.

Страницы показали летопись. До Небес и Ада существовала пустота, которой однажды захотелось иметь имя. Её назвали Нулом. Но имя дало ей способность пожирать другие имена, а вместе с ними — память, лица и целые миры. Семь хранителей заперли Нула за Пределом. Восьмая хранительница, Ауриэль, связала замок собственной душой.

Последняя страница была вырвана. На обрывке сохранились слова: «Если замок откроется от любви, он закроется только от…»

— От чего? — спросила я.

Каэль побледнел.

Мы услышали шаги. Между шкафами появилась Морвена. В её руке был фонарь из зелёного стекла.

— Зря вы пришли, госпожа. Книга зовёт и тех, кто умеет читать без глаз.

В дальнем проходе поднялись тени. У них не было лиц. Они тянулись к моему имени, произнося его чужими голосами.

Каэль обнажил клинок. Я схватила книгу. Страницы обожгли пальцы, но передо мной вспыхнула белая дуга. Тени остановились, словно наткнулись на стену.

— Прочь, — прошептала я. — Моё имя принадлежит мне.

Белый свет ударил в потолок. Когда он погас, библиотека была пуста, кроме нас троих. На раскрытой странице появилась единственная строчка, которой прежде не было: «СВОБОДНОЕ СОГЛАСИЕ СИЛЬНЕЕ ДРЕВНЕЙ КЛЯТВЫ».

Каэль осторожно закрыл книгу.

— Теперь вы знаете больше, чем было позволено Небесным судом, — сказал он. — И кто-то очень скоро узнает об этом.

Глава 8

Поцелуй падшего ангела

Люцифер ждал в коридоре. По его лицу я поняла, что оправдание о потерянной читальне не сработает.

— Каэль, оставь нас.

Советник поклонился и ушёл, не забыв бросить мне ободряющий взгляд.

— Я просил не ходить в Запретную библиотеку, — сказал Люцифер.

— Нет. Вы просили не выходить ночью. Библиотека была днём.

Он сжал переносицу.

— Ты играешь словами, как Велиал.

— А вы храните правду, как Маммон — золото.

Мы молча смотрели друг на друга. Потом Люцифер неожиданно рассмеялся. Смех оборвался, когда он заметил ожоги у меня на пальцах.

— Кто сделал это?

— Книга. Я справилась.

Он протянул руку, но не прикоснулся, пока я не кивнула. Тёплая золотая искра прошла по коже, затягивая раны.

— Я не хочу быть вашим замком, — сказала я. — И не хочу, чтобы вы решали, какую правду мне знать.

Мы вышли на балкон, откуда было видно половину города. Далеко внизу играла музыка, кто-то запускал светящиеся воздушные лодочки по реке. Люцифер опёрся о перила и посмотрел на огни так, словно видел их впервые.

— Ты знаешь, что я раньше умел слышать каждый голос в Инфернуме? — спросил он.

— И всё равно не услышали мальчика без хлеба.

— Да.

Он произнёс это без оправданий. Я почувствовала, что наш разговор может оборваться неприятной правдой, но продолжила:

— Почему перестали слушать?

— После Падения каждый голос был просьбой о спасении. Я не мог спасти всех. Сначала стал закрывать некоторые двери. Затем приказал советникам сортировать обращения. В конце концов остались только те, которые не требовали от меня чувствовать себя бессильным.

Я посмотрела на дворцовые окна. Издалека они казались золотыми, но за каждым наверняка скрывалась собственная усталость.

— А теперь?

— Теперь ты не даёшь мне притворяться, будто я ничего не знаю.

— Не слишком приятная причина любить человека.

Он посмотрел на меня, и в золотых глазах мелькнуло тепло.

— Пожалуй, одна из самых честных.

Мы вернулись в галерею. Я всё ещё злилась на его секреты, но впервые увидела, как у человека рождается желание исправить не одну ошибку, а весь способ жить.

— Ты не замок, Аделина. Ты человек, которого я однажды потерял.

— Вот именно. Человек. Не память о прежней жене.

Он опустил руку.

— Ты права.

Мы некоторое время шли вдоль пустой галереи. Я слышала только шаги и то, как за высокими окнами шуршат крылья ночных птиц. Люцифер мог бы закончить разговор приказом. Вместо этого он спросил:

— Что для тебя было самым страшным до моего появления?

Я почти ответила: свадьба. Но остановилась.

— Не барон, — сказала я. — Не бедность и не болезнь Томаса. Страшнее было однажды понять, что я настолько привыкла выполнять чужие решения, что больше не умею даже мечтать о собственных.

Он сжал руку на перилах.

— А о чём ты мечтала?

— Уехать к морю, научиться читать старые карты, открыть маленькую школу. Глупости.

— Почему глупости?

— Потому что у нас не было денег даже на лекарства. Мечты в таком доме выглядят роскошью.

— Мне доводилось владеть всеми сокровищами девяти кругов, — тихо произнёс он. — И всё же я не мог позволить себе одну вещь: узнать, останется ли рядом тот, кого я люблю, если перестану его удерживать.

Я посмотрела на него. В первый раз его богатство показалось мне не силой, а очень большой стеной.

— Тогда начнём с малого, — сказала я. — Вы перестанете закрывать от меня книги. А я постараюсь не сбегать в опасные места только потому, что меня туда не пускают.

— Это звучит подозрительно разумно.

— Не привыкайте.

Он улыбнулся. Никаких священных клятв мы не принесли. Но я заметила, как изменилось его лицо, когда он понял: я говорю о будущем, в котором он тоже присутствует.

Простое согласие оказалось неожиданнее любого спора. Я почувствовала, как обида немного отступает.

Мы вышли в сад. Белые розы качались под ветром, которого не было за стенами. Люцифер рассказал, как Ауриэль любила рассветы и спорила со всеми ангелами, утверждая, что свободная воля важнее безошибочного порядка. Я слушала, пока не стало невыносимо.

— А меня вы видите? — спросила я. — Или всё время смотрите сквозь меня на неё?

Он остановился.

— Когда ты смеёшься, я вспоминаю. Когда сердишься — тоже. Но сегодня в библиотеке ты сделала то, чего она никогда не делала: отказалась платить собой за знание. Я увидел тебя. И испугался, что люблю не только потерянное прошлое.

Я сделала шаг ближе.

— Тогда называйте меня Аделиной.

— Аделина, — тихо повторил он.

В его голосе моё имя прозвучало новым обещанием. Я подняла руку к его лицу, он не двигался. От высокой фигуры исходило тепло, и золотые глаза были совсем близко.

— Можно? — спросил он.

Я кивнула.

Поцелуй оказался коротким и осторожным. В нём не было магии, клятв или судьбы. Только двое, которые слишком долго разговаривали о смерти и на мгновение захотели жить.

После поцелуя мы долго стояли молча. Мне хотелось сделать вид, что ничего не произошло, но Люцифер не позволил разговору утонуть в привычной шутке. «Я не прошу ответа прямо сейчас», — сказал он. «И не стану считать этот миг обещанием». Я удивилась: люди вокруг меня всегда старались превратить малейшую уступку в долг. Барон истолковал бы улыбку как согласие, тётушка — благодарность как послушание. Люцифер же осторожно отошёл, оставляя между нами пространство. Я сама сократила его на шаг. В этот момент я впервые почувствовала, что опасность не обязательно в сильном мужчине рядом. Опасность — в том, кто не признаёт твоего права передумать. И если Люцифер действительно учился этому, я хотела увидеть, чему он научится дальше.

Но в саду взвыл ветер. Белые розы почернели от корней до лепестков. На запястье вспыхнула звезда, и где-то далеко под дворцом прогремел удар.

Люцифер отстранился. Лицо его побледнело.

— Что мы сделали? — спросила я.

— Возможно, — медленно сказал он, — подтвердили старому врагу, что ты способна выбирать сама.

На одной розе вновь проступил белый цвет. Остальные остались чёрными. И я впервые поняла: наше чувство могло стать дверью, но совсем не обязательно ключом.

Глава 9

Тот, кто ждёт за вратами

Ночью я услышала, как кто-то зовёт меня из-под пола. Голос не был громким, но каждое слово отзывалось пустотой под рёбрами.

«Ты открыла первую щель. Открой остальные».

Я вышла в коридор и увидела Люцифера у окна. Он стоял без рубашки, а по спине у него тянулись шрамы, похожие на осколки сломанных крыльев.

— Вы тоже слышите? — спросила я.

Он кивнул.

— Нул не разговаривает с обычными душами. Он вычитает слова из их памяти. Если услышишь голос матери или брата, не верь.

Я подошла ближе.

— Если Нул заперт, почему он зовёт нас?

— Потому что одна из семи печатей ослабел. Кто-то кормит его именами пропавших душ.

Мы отправились к реке Ночного Стекла. Там, под мостом, собирали память тех, кто умер не завершив дело. Хранительницей была пожилая демонесса по имени Иара. Она подала мне сосуд с мерцающей водой.

— Посмотрите, девочка. Не всё, что теряется, исчезает.

В воде возник Томас. Он гулял в нашем саду и смеялся. Я улыбнулась, но изображение сместилось: к нему подошёл человек в сером плаще и спросил, помнит ли мальчик настоящее имя сестры.

— Кто это? — прошептала я.

Люцифер резко забрал сосуд.

— Посланник Нула.

Иара показала мне маленькую комнату над рекой, где хранились письма пропавших. Бумага в них была чистой, но конверты оставались подписанными чужими почерками. «Раньше здесь было столько смеха и споров», — сказала старуха. «Они приходили ругаться, кто написал правильное имя, а кто ошибся в дате. Теперь спорить не с кем». Я взяла один конверт и почувствовала запах сушёной мяты. Он напомнил мне мать: она всегда вкладывала листок мяты в письма, отправленные отцу. Страх потерять память вдруг стал осязаемым. Я поняла, что Нул крадёт не только величие судьбы. Он отнимает мелочи, из которых складывается любовь: запахи, привычные слова, шутки, которые понимают лишь двое.

Иара показала список исчезнувших за последние месяцы. Семнадцать имён были выцарапаны так, что остались только пустые строки.

Мы вышли из хранилища к мосту, где на парапете горели низкие синие лампы. Иаре было трудно подниматься по ступеням, и Люцифер молча предложил ей руку. Она приняла помощь так естественно, словно делала это каждый вечер. Я удивилась. Смертные в моём городе падали на колени при одном упоминании его имени, а старая демонесса спокойно советовала повелителю не ступать на мокрую плиту.

— В прежние времена ты приходил сюда чаще, — сказала Иара.

— В прежние времена у меня было меньше обязанностей.

— Нет. В прежние времена ты больше слушал.

Он не ответил. Я отвернулась к реке, делая вид, будто не заметила, как больно ему от этих слов.

Иара достала из кармана небольшой флакон и вручила мне.

— Капля воды памяти. Она не возвращает потерянное, но помогает отличить настоящую привязанность от навязанной. Береги. Сосуд работает только один раз.

— Почему вы отдаёте его мне?

— Потому что тот, кто считает себя всесильным, выпьет её ради уверенности. А ты пока достаточно боишься ошибиться, чтобы подождать.

Я спрятала флакон. Прикосновение стекла к коже было холодным. До сих пор мне казалось, что мир делится на тех, кто знает правду, и тех, кому её скрывают. Теперь я начала понимать, что даже мудрые могут не знать ответов. Их отличие — в способности признаться в этом.

Люцифер проводил Иара до дверей, а потом задержался рядом со мной. Он смотрел на чёрную воду, и я не стала спрашивать, о каком прошлом вспомнила хранительница. Но впервые мне захотелось услышать от него не легенду о Падении, а рассказ о годах, когда он учился править после него.

— Их не убили, — сказала она. — Их забыли все, даже те, кто любил. Только река помнит пустоту.

На берегу возникла тень с лицом барона Вальтера. Потом она стала похожа на мою мать, на Элиану, на меня саму.

«Я могу вернуть все воспоминания, Ауриэль», — произнесла тень. «Мне нужна лишь одна фраза».

— Какая?

«Пусть не будет больше боли».

Я почти повторила слова. Ведь именно этого я хотела для Томаса, для себя, даже для мрачного мужчины рядом. Но Люцифер сжал мою руку.

— Он убирает боль вместе с теми, кто её чувствует.

Тень рассыпалась, оставив в песке чёрную монету. На ней было вырезано семь корон, одна из которых — надломлена.

Иара побледнела.

— Это знак княжеского права. Нул торгует не только с чудовищами. Один из Совета принёс ему первое имя.

Люцифер спрятал монету.

— Никому ни слова.

— Даже Каэлю? — спросила я.

Он задержал взгляд на чёрной воде.

— Особенно тому, кто может оказаться слишком верным прошлому.

На обратном пути Люцифер долго молчал. Вода Ночного Стекла осталась позади, но я всё ещё ощущала холод флакона под одеждой.

— Ты подозреваешь Каэля, — сказала я.

— Подозреваю всякого, кто слишком уверен, что однажды уже всё искупил.

— И себя?

Он не ответил. Лишь через несколько шагов остановился у низкого моста.

— Когда я впервые стал править, каждый вечер составлял список тех, кого не сумел защитить. Думал, пока помню все имена, не предам их снова. Через сто лет списков оказалось больше, чем целый дворец мог вместить. Я перестал открывать их.

— А имена?

— Часть помню. Часть утратил. Это моя самая постыдная слабость.

Я посмотрела на него. Мне хотелось возразить, что нельзя помнить всех. Но слова прозвучали бы слишком легко. Вместо этого я спросила:

— Может быть, позволишь другим хранить их вместе с тобой?

Он нахмурился.

— Ты всегда находишь способ превратить моё величие в коллективную работу.

— Гораздо более надёжную, чем ваше величие.

Он рассмеялся, и на мгновение вода под мостом отразила звёзды. Я поняла, что даже тем, кто привык быть непобедимым, может пригодиться чужая память — не как доказательство слабости, а как продолжение общей жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.